

Шандор Лукачи

(10.04.1923 - 10.11.2001)

ПЕТЕФИ, ЕГО РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИДЕИ И ИХ ФРАНЦУЗСКИЕ ИСТОЧНИКИ

перевод *Н. И. Непомнящей*

Французский ежегодник 1973

М.: Наука. 1975. С.153-162

Веб-публикация: **Vive Liberta, 2011**

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Где бы ни упоминалось имя Шандора Петефи, о нем говорится как о певце свободы и любви. И он действительно воспевал свободу и любовь — главным образом свободу. Недаром он заявил, что готов пожертвовать для нее всем, даже любовью. О том, что в его устах это не было пустыми словами, свидетельствует его смерть, смерть молодого человека, 26 лет, погибшего на поле боя в 1849 г

Итак, Петефи был в первую очередь певцом свободы. Однако слово свобода может быть простым выражением, девизом и даже ширмой для самых разнообразных понятий и устремлений. Как раз в XIX в., когда жил Петефи, существовали резкие разногласия по вопросу об истолковании этого слова. Одни понимали под ним унаследованное от предков стремление к свободе, инстинктивное, не способное указать людям более четкий идеал, чем национальная независимость. Свобода была также девизом либерализма, который хотел уничтожить феодальные вассалитет и повинности, чтобы создать для буржуа свободу производства и торговли. Но первые коммунисты считали свободу средством осуществления социального равенства, распространяющегося также и на пролетариев. Какого же взгляда на свободу придерживался Петефи?

Ответить на этот вопрос значит определить политическую идеологию поэта. Эта проблема привлекла внимание исследователей только в самые последние годы; ранее почти неизменно господствовало мнение, согласно которому Петефи не обладал достаточно зрелой политической идеологией. Конечно, никто не отрицал, что в его поэзии проводятся определенные идеи, даже провозглашаются политические лозунги, но каждый считал их утопиями. Я намереваюсь — опираясь на данные самых последних исследований — доказать существование у Петефи политической идеологии, которая наложила отпечаток на все его творчество.

Говоря об идеологии Петефи, необходимо учитывать тот факт, что мы имеем дело с поэтом, а не с философом или политиком: он оставил нам стихотворения, поэтические образы, а не политико-философские трактаты. Следовательно, для выявления идеологии Петефи мы должны изучить его лирику, разрозненные, часто фрагментарные высказывания.

В Венгрии в те годы все еще господствовали феодальная система, с одной стороны, и династия Габсбургов — с другой. Лучшие умы эпохи старались отыскать способы покончить с отжившим свой век феодализмом и столь тягостным чужеземным гнетом; эти стремления находили отклик в венгерской литературе. Писатели — по большей части представители образованного дворянства — увещевали и поучали народ: они ставили ему в вину пренебрежение к славе предков и к независимости, они рекомендовали ему реформы, особенно отмену крепостного права. Странники этого течения собирали и перерабатывали фольклор, на страницах своих книг они выводили героев из простонародья. В основе их деятельности лежали — не считая рекомендации Гердера и столь романтической моды на народолюбие — мотивы преимущественно политическо-

го характера: руководящая прослойка знати хотела с помощью литературы привлечь народ на свою сторону, чтобы быть уверенной в его выступлении бок о бок с нею в борьбе за национальную независимость.

Нет ничего удивительного, что первоначально поэзия Петефи находилась под влиянием этих идей и установок. И если затем он стал отличаться от своих современников, то это следует отнести главным образом за счет его исключительного таланта и плебейского оттенка взглядов, оттенка, объясняющегося сравнительно низким происхождением и богатым опытом молодости.

Уже со второй половины 1845 г., когда поэту было только 22 года, в нем начинают наблюдаться перемены: мир его поэзии омрачается, и тон становится пессимистическим. В течение долгого времени историки литературы объясняли это исключительно личными переживаниями: друзья отступились от него, критики изводили, любви он не знал... Все это допустимо, но справедливо лишь частично, так как из его стихотворений явствует, что мрачное настроение было вызвано не только личными обстоятельствами, но также более глубокими — социальными — причинами. В одном из стихотворений перечисляются в виде жутких призраков гнетущие явления социального характера, послужившие источником внезапной перемены настроения Петефи: лежащий у дороги мертвый нищий; цыган, приговоренный к битью батогами; ни в чем не повинный юноша, отданный в руки палача; лишившаяся рассудка мать, пляшущая с трупом своего младенца на руках вокруг виселицы... В другом стихотворении поэта терзает зрелище торжествующего порока и презираемой добродетели; богачей, купающихся в роскоши, и царящего голода: тирании, с ее жестоким издевательством, и поработченных стран. Не являются ли все эти ужасные контрасты результатом социального опыта, изложенным на языке романтическо-поэтических образов? Народная поэзия не годится больше ни для отображения этого опыта, ни для порожденной им морали, с ее пессимизмом, даже мизантропией: на некоторое время Петефи действительно отказывается от прежних стилистических приемов; он вырабатывает для себя иной стиль, нервический, мятущийся, пользуется новыми размерами, отваживается на вторжение в область прозаических жанров и совершает одну из величайших в венгерской литературе революций — в поэзии. И скорбное вдохновение, чей глубокий мрак озаряется лишь вспышками яркого отрицания, абсолютного, почти абсурдного возмущения решительно всем, долго еще не покинет его; оно породило сборник стихов «Тучи», проникнутый безнадежностью роман «Петля палача» и мрачную трагедию «Тигр и гиена».

Но полгода спустя, весной 1846 г., безутешность уступает место надежде и жажде социального действия; прежний угрюмый пессимизм (в одной из наиболее характерных для этого настроения вещей, стихотворении «Сумасшедший», изображалось предание огню всего мира) превращается в желание спасти мир. Уже через несколько недель после появления насыщенных предельным отчаянием стихотворений мы слышим голос поэта-революционера, преисполненного оптимизма:

И мира я уже не ненавижу,
А только гневаюсь я на него
За то, что столь труслив он, столь безгласен...
Украли счастье, держат под замком,
А мир не мстит тому, кто выкрал счастье...
Да! Мстить, как видно, и не хочет он
За все тысячелетние страдания!
Но начал верить я, что близок час,
Что славных дней расцвет блестящий близок.
Не нынче завтра, а они восстанут .

Народы мира, втоптанные в прах.
Да! Прогремят восставшие народы:
«В людей мы превратимся из рабов!»¹

Этот внезапный и крутой поворот в идеях и политической концепции требует объяснения. Уже раньше высказывалось предположение, что знакомство Петефи с историей и идеями Французской революции сыграло весьма значительную роль. Сам поэт дал нам право на эту гипотезу, ибо он не раз заявлял, что книги по истории этой революции он читал денно и поочно, они были для него настоящей Библией.

Однако, когда мы задавали себе вопрос, как и благодаря чьим трудам Петефи проникся идеалами Французской революции, мы должны были довольствоваться предположениями.

Некоторые исследователи утверждали, что первоисточником его революционного самосознания были стихи Беранже и французского революционного поэта Эжезиппа Моро. Нет сомнения, что Петефи высоко ставил обоих поэтов и даже переводил их, особенно Беранже; Петефи гордился тем, что он, как и Беранже, выступает в качестве певца народа; он многому научился у Беранже и в области стихосложения. Но поэтическое творчество не заменяет знания истории, даже в самых захватывающих строфах невозможно изложить систему революционных идей.

Другие думали, что тут сказывается влияние Сен-Жюста, тем более что в библиотеке Петефи отыскалась одна из книг Сен-Жюста с собственноручной пометкой поэта: «Сокровище Шандора Петефи». Но эта книга была куплена в 1848 г., а к тому времени революционная идеология ее владельца уже давно избавилась от постороннего влияния и стала вполне самостоятельной.

Один из биографов поэта придерживался мнения, что эти знания Петефи почерпнул весной 1846 г. из «Histoire des Girondins» Ламартина. Но такой довод не заслуживает даже опровержения по той простой причине, что упомянутый труд появился только годом позже, в 1847 г.

Мы нигде не находим у поэта списка прочитанных им книг о революции, но, к счастью, до нас дошел один из автографов — несколько страниц с перечислением памятных дат Французской революции с краткими комментариями. Подвергая этот текст углубленному анализу, нам удалось установить, что там встречаются кое-какие высказывания по истории Французской революции, которые не могли быть почерпнуты ни в одной из бесчисленных работ на эту тему, кроме «Histoire populaire de la Révolution française» Этьена Кабе, первое четырехтомное издание которой появилось в 1839—1840 гг., а второе — шеститомное — в 1845—1847 гг. Бесспорно, что большая часть хронологических заметок Петефи представляет собой конспективное изложение фактов и их истолкование по книге Кабе, а это, очевидно, свидетельствует о глубоком интересе к ней Петефи. Мы можем, таким образом, считать ее одним из главных источников его сведений о революции. Но дело не только в том, что эти объемистые тома снабжали венгерского поэта подробными сведениями о революционных событиях, но также и в том, что по ним он ознакомился с якобинским истолкованием этих событий. Тогда, в 30-е годы, в ответ на клевету роялистов в адрес Революции и вопреки двусмысленной позиции либералов начали выступать историки этого направления; они безоговорочно принимали наследие революции и старались в первую очередь реабилитировать Робеспьера и оправдать революционную диктатуру. Теоретическим зачинателем этого направления был Филипп Буонаротти — избежавший преследований глава коммунистической организации, созданной Бабефом, и Несгор последующих революционных движений. Буонаротти и его ученики не были, конечно, безоговорочными

¹ III. Петефи. «Анталу Варади» (пер. Л. Мартынова). — Собр. соч., т. 1. М., 1952, стр. 433.

последователями Робеспьера, но они его критиковали не за террор или диктатуру; из истории Французской революции они извлекли тот урок, что политическое восстание должно сопровождаться соответствующим социальным движением, которое положит конец частной собственности и приведет, таким образом, к полному равенству всех людей. Робеспьер не выполнил этого; заговор Бабефа, проникнутый духом всеобщего гражданского и политического равенства, был потоплен в крови. Следовательно, революция не привела к положительным результатам, и предстоит еще завершающий мятеж, который создаст абсолютно новое, основанное на справедливости общество, уже неизбежное, ибо ему никогда больше не будет угрожать новая революция. Идеал, к которому стремились сторонники Бабефа, Буонарроти и его ученики, именовался различно; Бабеф называл его «общее благосостояние», иные — «социальная республика»; что же касается Кабе — личного ученика Буонарроти, отвернувшегося впоследствии от своего учителя, — он пользовался терминном «коммунизм».

Эта последовательность идей, которую я сейчас вкратце воспроизвел, подробно излагается Кабе в книге «Histoire populaire». Читая ее, Петефи имел перед глазами не только труд, посвященный идеалам, подвигам и великим людям Французской революции, но и коммунистическую критику событий, а также подробнейшее истолкование учения Бабефа и определение понятия самого коммунизма.

По некоторым признакам можно судить, что Петефи изучал труд Кабе именно весной 1846 г. и благодаря ему ознакомился с уроками Великой революции и с порожденной ею надеждой на новый и справедливый общественный строй. Это должно было в значительной мере способствовать превращению поэта — пессимиста и мизантропа, терзаемого своими думами, в оптимиста-революционера, решившего действовать. Так, семена революционного учения нашли плодородную почву в душе этого поэта, глубже, чем все его современники, осознавшего ужасы несправедливого социального строя.

Само собой разумеется, никто не может утверждать, будто книга Кабе была первой или единственной книгой о революции, прочитанной Петефи. Выдержанный в либеральном духе труд Минье был издан на венгерском языке в 1845 г., и он, конечно, не ускользнул от внимания поэта, не произведя на него, однако, такого потрясающего впечатления, как книга Кабе. Возможно, что Петефи были также известны работы либерального историка Тьера; что же касается «Histoire des Girondins» Ламартина, у нас есть доказательство, что он читал эту книгу, имевшую столь громадный успех в 1847 г.: он заимствовал оттуда сюжет для своей поэмы «Veauheraige» — истории революционера батальонного командира в Вердене. В его библиотеке хранилась еще «Histoire des montagnards» Альфонса Эскироса, тоже опубликованная в 1847 г.; автор ее сочувствовал идеям коммунизма и оказал влияние на Петефи главным образом благодаря своему восторженному отношению к Марату.

О чрезвычайно глубоком, можно даже сказать почти научном, интересе Петефи к Французской революции свидетельствует одна его рукопись. Это список 41 книги на эту тему на французском и английском языках с указанием цены, что говорит о его намерении их купить. Наряду с сочинениями некоторых поэтов и философов — Мура, Вордсворта, Мюссе, Эразма, Декарта, Монтескье и т. д. — в перечень внесены книги о Французской революции — мемуары Кондорсе, Камилла Демулена, 1-жи Ролан и других, даже 40-томный историографический труд Бюше и Ру. Мы не знаем, сколько и какие именно из этих книг стали собственностью Петефи; но список сам по себе доказывает определенное желание поэта подвести под свою политическую идеологию, в качестве ее основы, обширнейшее знание истории.

Однако его интересы не сосредоточивались исключительно на революции 1789 г.: в своих заявлениях он упоминает историю революций

во множественном числе, а это означает, что он не оставил без внимания июльскую революцию 1830 г. в Париже, равно как и последовавшие за ней выступления. Тут главным источником информации ему служила «Histoire de Dix ans» Луи Блана, пять томов которой вышли в 40-х годах. Хотя Петефи и не упоминает нигде об этом, я все же могу доказать, что он их читал. В одном из своих произведений в прозе он с восхищением говорит о молодых героях республиканского мятежа 5 июня 1832 г. в Париже и приводит исторические данные, извлечь которые он мог только из данной книги. Этот труд по истории 30-х годов сыграл не менее решающую роль в формировании политической идеологии поэта, чем книга Кабе. В самом деле автор «Histoire de Dix ans» повествует не только о событиях во Франции, но и о польской войне за независимость, о других революционных движениях того времени, причем он подробно излагает социалистические теории — учение Сен-Симона, Фурье и др., рассказывает о деятельности Бабефа, т. е. говорит о сторонниках эгалитарного коммунизма, в том числе об Огюсте Бланки и его товарищах. Наконец, Луи Блан несколько раз с величайшим уважением отзывается о Буонарроти. Это впечатляющее произведение представляло собой настоящую энциклопедию политических знаний той эпохи. Книга помогла Петефи разобраться в политических и социальных доктринах социалистов и сравнить их друг с другом, что не преминуло оказать влияние на формирование его взглядов.

Предшествовавшие исследователи понимали, что социалистические доктрины, возникшие после Французской революции, оказали влияние на Петефи, но ими не было уточнено, влияние какой из множества доктрин являлось в этом отношении преобладающим, какая из них наиболее соответствовала его политическим убеждениям. Однако научный анализ не может удовлетвориться такой расплывчатостью. Доктрины разных школ утопического социализма противоречили друг другу, и никто не мог быть одновременно учеником Сен-Симона и Бабефа, ибо один из них выступал против, а другой в защиту идеала равенства. Поэтому после знакомства с существовавшими тогда социалистическими документами Петефи предстояло сделать выбор.

Каков был этот выбор, показывает все его зрелое творчество, в первую очередь его поэзия.

При тщательном анализе его сочинений мы убеждаемся, что в них нельзя найти ни малейшего намека на утопические концепции Сен-Симона, Фурье или других социалистических мыслителей. Зато мы можем обнаружить в них множество элементов эгалитарного коммунизма Бабефа, доктрины Буонарроти и их учеников. Само собой разумеется, Петефи не намеревался излагать политические теории или воздавать хвалу памяти Бабефа в стихотворной форме. Но он серьезно относился к своей политической миссии, к роли певца народа и потому обязан был соотноситься с социальными условиями в Венгрии, учитывать восприимчивость тех, к кому он обращается, текущие задачи борьбы за национальную независимость и за реформы. Именно так он и поступал: вместо того, чтобы обольщаться химерами, перелагать стихами абстрактные теории, он требовал свободы печати, освобождения крепостных; он призывал к беспощадной борьбе против чужеземного угнетателя и с этой целью подыскивал воодушевляющие примеры в истории родной страны. Но его взоры устремлялись и дальше, за пределы непосредственных национальных задач, он выработывал — согласно духу учения Бабефа — свой собственный идеал общества, построенного на справедливости, идеал, который не однажды угадывается в национальном спектре его политической поэзии, и это как раз является одной из ее специфических сторон.

Отличие Петефи от всех его венгерских современников заключается именно в том, что он не представлял себе осуществления национальных и социальных стремлений иначе, как революционным путем, и что в наи-

лучших своих политических стихотворениях он неустанно предсказывал, призывал революцию, повторяя, что добиться обновления можно лишь пролив море крови. Уже один этот факт явственно свидетельствует о неприятии им пацифистских утопий Сен-Симона или Фурье, для которых главное — отказ от решения вопроса революционным путем, и сближает его со школой Буонарроти, единственным — до Маркса — социалистическим направлением, признавшим доктрину революции и революционной диктатуры. Бабеф, Буонарроти и их ученики излагали идеи великого переворота, который устранил все социальные язвы и, благодаря общности имущества, приведет к полному равенству, а следовательно, к справедливому общественному строю; тогда не будет уже никакого повода для новой революции. Ведущей темой политической поэзии Петефи служит именно идея революции. Она наличествует в самом первом его, написанном весной 1846 г., революционном стихотворении «Анталу Варади», которое цитировалось выше, и эта идея революции является в то же время идеей всемирной революции: поэт падеется и предсказывает, что все народы воспрянут духом и придут в движение, чтобы силой добиться своего права на человеческое достоинство:

Вот будет день прекрасный, но кровавый!
Таким и должен быть он, этот день!
Был водяной поток, придет кровавый.
Чтоб мир от грязи мог омыться весь,
От грязи, что на нем налипла густо,—
Потоп кровавый нужен! И когда
Он схлынет, то земля, в крови умывшись,
Великолепна станет и чиста,
И будут жить на ней иные люди —
Богородобен станет человек! ²

После этого первого революционного призыва к оружию идея революции постоянно встречается в стихотворениях Петефи, который мечтает о кровопролитиях, порождающих новый, справедливый общественный строй. В своем стихотворении «Суд» он также предсказывает этот финальный триумф:

...Знаю: возникнут два стана.
Будто бы нации две — нация добрых и злых.
Будут бороться они. Тот, кто терпел поражения —
Добрый — тогда победит, он победит, наконец!
Эта победа его в море кровавом потонет,
Но — все равно! Этот суд и обещал нам господь
Через пророков своих... А вслед за судилищем этим
Станет вся жизнь на земле вечным блаженством полна.
Ради блаженства тогда в небо лететь не придется,
Ибо на землю сюда к нам низойдут небеса! ³

Самое, может быть, прекрасное революционное стихотворение Петефи — «Одно меня тревожит», где он выражает желание умереть не в постели, а на поле битвы — последней битвы народов, восставших во имя решающей революции, во имя всеобщей свободы. Особенно примечательно в этом произведении, что поработенные народы выступают на поле битвы и сражаются за свободу мира под красным знаменем. В наши дни это знамя представляет собой общепризнанный символ социальной революции. Но так было не всегда. Во время Французской революции

² Ш. Петефи. Собр. соч., т. 1, стр. 433.

³ Ш. Петефи. «Суд» (пер. Л. Мартынова).— Собр. соч., т. 2. М., 1952, стр. 66.

красное знамя символизировало буржуазный террор, несправедливый военный закон 1789 г., направленный против народа. Свое революционное значение оно приобрело лишь много позже, при вооруженном восстании республиканцев в Париже, вспыхнувшем 5 июня 1832 г. Но и после этого события красное знамя стало эмблемой социальной революции только для сторонников Буонарроти. Мы можем доказать на основании книг, которые читал Петефи, что он был превосходно осведомлен об изменении смысла, придаваемого красному знамени, и что только последователи Буонарроти приняли новый революционный символ. Поэтому, когда он призвал народы, ведущие борьбу за всеобщую свободу, стать под красное знамя, это неоспоримо свидетельствовало о его сочувствии бабувистским идеалам. Ведь только позднее, после парижского восстания рабочих в июне 1848 г., красное знамя станет общепризнанным символом пролетарской революции; тогда Фрейлиграт посвятит ему стихотворение. Но стихи Петефи появились раньше, они датируются 1846 г. Таким образом, венгерский поэт оказывается первым во всемирной литературе певцом красного знамени.

Еще один важный термин в стихотворении «Одно меня тревожит» — «всеобщая свобода». Прежде всего интересно, что Петефи почти беспредельно расширяет понятие «свобода»: он желает бороться и умереть не только за независимость своей родины, но и за независимость всех народов мира. И так как в его стихотворении символ красного знамени сочетается с представлением о «всеобщей свободе», то ясно, что, по мнению Петефи, это определение не ограничивается рамками независимости народов, а подразумевает нечто большее: свободу всех угнетенных, свободу тех, кому может принести счастье лишь социальная революция.

Эта, так сказать, тотальная концепция свободы в корне отличается от концепции, исповедуемой либералами. Они понимали под ней частичные свободы общественного характера: свободу слова и печати, свободу вероисповедания и т. д., особенно свободу частного собственника без препятствий располагать своим имуществом, своим капиталом. Раньше, чем в других социалистических школах, это либеральное истолкование свободы подверглось критике главным образом в учении Бабефа: он доказывал, что свобода, основанная на принципе частной собственности, есть не что иное, как свобода грабежа, и что неимущему пролетарию предоставляется только свобода выбора между трудом наемного раба и голодной смертью. Орео [Haugéau], один из учеников Буонарроти, не колеблясь, заявил, что свобода в истолковании либералов не только не священна, а наоборот, она — первопричина всех социальных зол и, следовательно, не может служить предметом социальных боев. Цель, к которой надо стремиться, — счастье, преуспевание каждого человека; для этого необходимо, чтобы все располагали равными возможностями добиться успеха. А это может быть обеспечено только общей собственностью на средства производства. Итак, пароль тех, кому были дороги заветы Бабефа, — не свобода (в трактовке либералов), но общее благо и равенство.

Тут, как будто, проявляется некоторое противоречие между идеологией этой школы и идеологией Петефи. В одном из своих стихотворений он говорит о «божественной свободе, стократ священной»; но мы знаем, что, по мнению учеников Буонарроти, свобода не священна и что клаться надо именем равенства. Однако это противоречие только кажущееся. С одной стороны, потому, что и у Петефи нет недостатка в бабувистских лозунгах; в стихотворении «Света!» имеется точный перевод «общего благосостояния» («bonheur commun») Бабефа, а в другом — термина «всеобщее равенство» («égalité totale»), также употребляемого руководителями заговора во имя равенства. С другой стороны, восхваления свободы, столь часто встречающиеся в стихах Петефи, проникнуты духом бабувистской доктрины. Ведь ученики Бабефа и Буонарроти отвергали лишь либеральное понятие свободы, чтобы выдвигать свое собственное

истолкование, согласно которому свобода — вовсе не цель, но средство, орудие всеобщего блага. По формулировке Орто: «Свобода не есть нечто священное! Это средство, не цель». Петефи слово в слово повторяет эту мысль в поэме «Апостол»:

А какова цель жизни? Счастье!
А счастье нам дает свобода!
Бороться буду за свободу...

Итак, понятие свободы у Петефи почти полностью совпадает с истолкованием ее у учеников Буонарроти, и именно в этом смысле свобода стала руководящей идеей всего его поэтического творчества. Так как со свободой неразрывно связана идея национальной независимости, а борьба за достижение социальных целей — борьба длительная, то ясно, что Петефи в первую очередь восхвалял в своих стихах свободу, так как равенство в тогдашней Венгрии было довольно далеким идеалом.

И то, что Петефи не высказывался открыто против частной собственности, также объясняется различием социальных условий в Западной Европе и в Венгрии. Он боролся за отмену крепостного права, за то, чтобы раб превратился в крестьянина, свободно располагающего своим имуществом. Но Петефи сознавал, что свободное производство не является последним этапом социального развития. В его стихах очень часто критика феодализма подается как критика частной собственности; сокровища дворцов — «ворованные сокровища», и эта формулировка близка лозунгу Прудона: «Собственность — это кража»; аналогичные высказывания мы встречали уже раньше у представителей бабувизма. Политические убеждения Петефи особенно ясно выражены в том произведении (в прозе), в котором он мечтает о мире, где деньги выйдут из употребления. И в стихотворении «Поэтам XIX века» он без околичностей указывает конечную цель:

Когда любой сумеет брать
От счастья полными горстями,
Когда за стол закона все
Придут почетными гостями
И солнце мысли, воссияв,
Над каждым домом загорится,
Мы скажем: вот он, Ханаан,
Пришла пора остановиться!⁴

В этой строфе — сжатая формулировка политической идеологии Петефи, вдохновленной Буонарроти. Поэт указывает цель: изобилие, т. е. всеобщее благосостояние, причем все будут пользоваться им *на равных началах*; он уточняет орудие для достижения этой цели — право, т. е. свобода; он определяет этико-культурную ценность этого стремления: в лоне общества, построенного на равенстве, свет разума озаряет всех.

Во всем вышесказанном сделана попытка разъяснить некоторые наиболее важные идеи политической поэзии Петефи. Подобный анализ можно было бы продолжить, а также приумножить примеры. Но надеюсь, мне полностью удалось доказать, что, во-первых, политическая идеология Петефи была в достаточной мере зрелой и основывалась на углубленном изучении истории; во-вторых, в своих главнейших положениях она, по нашему глубокому убеждению, обнаруживает вполне последовательные аналогии с учением школы Бабефа и Буонарроти.

Конечно, трудно предположить, что источник каждой политической идеи, каждого политического стихотворения Петефи можно текстуально

⁴ Ш. Петефи. «Поэтам XIX века» (пер. В. Левика).— Собр. соч., т. 2, стр. 19

отыскать в литературе последователей Буонарроти. Это невозможно, тем более что у нас нет сведений обо всем, что читал Петефи; но это также и не нужно. Ведь не вызывает сомнений, что Петефи — усердный чтец Кабе, Луи Блана и др. — был хорошо знаком с учением Бабефа; ясно, что именно это чтение содействовало выработке его убеждений, но не менее достоверно, что на базе знаний, усвоенных им из книг, он сам, совершенно самостоятельно, создал свою особую идеологию. Главное тут — не проблема влияний и источников, но тот факт, что путем собственных размышлений Петефи пришел к выводам, в значительной мере соответствующим доктрине Буонарроти.

Он сам точно изложил в поэме «Апостол» ход мыслей, приведший его к этому результату. Это объемистое эпическое произведение — главный труд Петефи. Герой его Сильвестр бьется за народ, но народ покидает его, так что в дальнейшем он может действовать только как революционер-одиночка; он совершил неудачное покушение на короля и погибает на эшафоте. В лице Сильвестра Петефи в некоторой степени изображает самого себя, один из возможных вариантов своей судьбы. Когда он говорит об интеллектуальном росте героя, речь идет о становлении его собственных убеждений. Они вырабатывались в следующем порядке: Сильвестр осознает социальную несправедливость; у него складывается довольно туманное представление о справедливом обществе; он принимается за изучение истории революций; он задает себе вопрос, наблюдается ли на самом деле прогресс в мире, ибо, если его нет, если история — лишь вечное возобновление прежнего, адский хоровод, то стоит ли бороться; он разрешает вопрос положительно: да, прогресс действительно существует, следовательно, стоит бороться; он клянется сражаться всю свою жизнь за эту великую цель и именно тогда он произносит достопамятные слова:

А какова цель жизни? Счастье!
А счастье нам дает свобода!
Бороться буду за свободу,
Как многие уже боролись!⁵

Это точь-в-точь те же этапы духовной эволюции, которые нам излагает в своих мемуарах Мартен Бернар: когда ему уяснилась вся несправедливость существующего общественного строя, он сперва страстно увлекся сенсационизмом; затем он берет за изучение истории Французской революции по превосходному труду Бюше и Ру (который привлек, как мы видели, также и внимание Петефи); длительные размышления укрепили его убеждение, что прогресс возможен и, следовательно, надо за него бороться; наконец, он примыкает к тайной революционной организации Бланки, несмотря на то, что ближе он был к Арману Барбесу.

Хотя пути, которыми следовали Мартен Бернар и Шандор Петефи, совпадают во всех отношениях, здесь не может быть и речи о каком-либо влиянии или заимствовании со стороны венгерского поэта, так как мемуары Бернара вышли в свет только после его смерти, в 50-х годах. Наоборот, речь идет о глубокой общности идеологических исканий Петефи и идей ряда французских революционеров.

Именно в этом смысле мы, по нашему глубокому убеждению, можем утверждать, что идеология и политическая поэзия Петефи вдохновлялись учением Буонарроти. Правда, у некоторых французских рабочих поэтов прошлого века встречаются отклики идей Буонарроти, но вследствие скромного таланта авторов их агитационные стихотворения не возвысились до мирового уровня. И только в творчестве одного лишь поэта прозвучали, удовлетворяя самым высоким требованиям эстетики, идеи эгалитарного коммунизма Бабефа, и этот поэт — Шандор Петефи.

⁵ Ш. Петефи. «Апостол» (пер. Л. Мартынова). — Собр. соч., т. 3. М., 1952, стр. 196.

Д.Шпира. Четыре судьбы: к истории политической деятельности Сечени, Баттяни, Кошута и Шандора Петефи / Перевод с венг.
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p122291975.htm>

Р.Авербух. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p82467734.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p82467734.htm>

О Петефи в Литературной энциклопедии
<http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le8/le8-6062.htm>

Избранные переводы
http://www.belousenko.com/books/poetry/petefi_stihi.htm